

СТАНИСЛАВ ПАНКРАТОВ

ТРЕВОЖНЫЕ БУДНИ

С утра было настроение, какое принято называть хорошим. Мокеев катил по еще чистому городу, взглядывал на первых прохожих, на груды палого ржавого листа, собранные дворниками у поребрика. По Урицкого, прижимаясь к бровке, шла уборочная машина, вращала щетками, всасывала в глухое нутро затянувшуюся осень. Мокеев притормозил, вытащил из кармана и еще раз прочел телеграмму.

Настроение не пропадало, но Мокеев привычно ожидал, кто первый начнет это настроение разрушать. Так всегда: сначала настроение, потом от этого настроения по кусочку отщипывают, отщипывают, отщипывают — и от душевной радуги остается одна только краска. То естьходишь в обычный милицейский ракурс — рабочий, регистрационный и разбирательский.

Ждать долго не пришлось. На перекрестке (светофоры еще не включили) мелькнул длинный кузов автобуса, и по тому, как высоко подскочил этот кузов на выбоине (сколько просили дорожников, чтоб засыпали яму!), Мокеев определил: километров восемьдесят.

«Куда ему спешить? — подумал Мокеев, а нога уже сама утопила акселератор, «Москвич» рванулся вслед за автобусом, Мокеев свернул на улицу Правды и начал догонять. — Моторы теперь — не вдруг достанешь лихача, — со старой досадой думал Мокеев. — Такой запас мощности, будто на этом автобусе по вертикальной стене гонять. Да что там!.. Вон сахар стали делать быстрорастворимый. Чаю стакан выпить — и то норовим секунду сберечь, на растворимости натягиваем. Куда торопимся?»

Он скосил глаз на спидометр: шестьдесят пять... семьдесят пять... восемьдесят... «Москвич» поравнялся с кабиной водителя. Мокеев взял микрофон:

«Водитель автобуса четырнадцать — пятьдесят два, остановитесь!» — и обогнал, и обернулся, и сам начал притормаживать, следя в зеркальце, как сзади тормозит, повинуюсь, львовский автобус с табличкой: «Экскурсионный». Водитель вылез из своего экспресса и шел к нему, к Мокееву, вытягивая из кармана затертые права и сосредоточиваясь на выражении виноватости и покорности следовать указаниям.

По правам выходило, что водитель первого класса и ездит пятнадцать лет. И должен, стало быть, чувствовать скорость.

— Почему гоняете по городу с превышенной скоростью? Восемьдесят километров — не городская скорость.

— Так, товарищ инспектор, спидометр не работает! Сколько долдоню и механику, и начальнику за спидометр, толку чуть...

— Ну вот, первый класс... пятнадцать лет за рулем и — не умеете определить: шестьдесят или восемьдесят?

— Товарищ инспектор, да не было ж восемьдесят...

— А зачем мне вас обманывать? У меня спидометр в порядке, я по прибору следил...

— Ну, прошу извинить, если такое дело. С утра силы много, все прибавить хочется...

У водителя, значит, тоже утренний подъем...

— Права красивые, дырок делать не будем, — сказал Мокеев и вернул права. — А рубль в казну взыщем — за превышение.

— Это пожалуйста! — обрадовался водитель. — Рубль не потеря, но механику я плешь протру насчет спидометра...

— Во-во, протри, — сказал Мокеев, выдавая квитанцию. — Только не говори мне больше, что не знаешь разницы — шестьдесят или восемьдесят. А то я краснею, когда мне врут. Лады?

— А как же! — Водитель протянул рублевку, все еще улыбаясь и радуясь, что легко отделался.

Мокеев сел за руль, свернул к заводу и немного обождал у павильона. Торговля уже шла, мужчины табунились у окошечка, и чей-то трактор стоял у проходной. Мокееву интересно было узнать: не в пивной ли очереди выстаивал тракторист? По виду вроде не было его там, но кто его знает, нынче по виду можно и ошибиться. Пока стоял да рассматривал, вспомнилось, как водитель автобуса легко рублевку отдал, прямо с радостью. У него там, похоже, еще наготовлены были, чтоб без сдачи. А ведь если сообразить, то кило сахара отдал, даже с лишком. За погонялки. Легко он сахаром кидается, этот парень, легко. Хотя, наверное, рублей триста пятьдесят он в месяц выколачивает. Десятка на день выходит, ничего.

Тракторист вышел из проходной, завел свою «Беларусь», и Мокеев вздохнул: слава богу, не в пивной очереди водитель, хоть тут пронесло. Но утреннее настроение проходило, таяло. На улице Ленина, около университета, светофор уже включили, но красный свет не помешал какой-то блондинке сунуться под самые колеса. Пришлось снова взяться за микрофон: «Гражданка в светлом плаще! Что вы там забыли, под колесами? Вернитесь на тротуар. Пожалуйста!»

Прохожих прибавилось — тут всегда студентов полно. Мокеев увидел, как

блондинка вспыхнула, вернулась на тротуар и приняла независимую позу. На нее смотрели, но в данную минуту ей эти взгляды, кажется, не импонировали.

Тут уж Мокеев ничего не мог с собой поделать. В ГАИ, случалось, его поругивали за отступление от официальности. Однажды звонил какой-то обиженный полковнику и сердитым тоном выговаривал, будто ему не только сделали замечание из милицейской машины, но еще и выставили на смех людям. Начальник обиженному ответил, что рад слышать его живой голос в телефоне: конечно, самолюбие товарища пострадало, но сам-то он жив, с чем его горячо поздравляет весь личный состав областной автоинспекции. Но Мокееву на утренней летучке все-таки мягко поставил на вид — попросил поменьше отсебятины, поближе к официальности.

Мокеев несколько дней честно держался, но потом снова перешел на вольный разговор с нарушителями через динамик.

Город небольшой, лица примелькались, и Мокеев с удовольствием замечал, как такие обиженные, завидев милицейский фургончик с рупорами, почти молитвенно всматривались в светофор, выжидая зеленый свет. Самолюбие, оказывается, — фактор. «Лучше уж словом по самолюбию, чем колесом по голове», — окончательно решил Мокеев.

Начинался час «пик», троллейбусы отходили с полуприкрытыми дверьми, из которых торчали чья-нибудь спина или плечо; народу стало много, светофоры мерцали через правильные интервалы — Мокеев выверил.

Через десять минут начиналась планерка — полковник не признает опозданий, — пора.

Со своего стула в кабинете начальника Мокеев видел часть территории за стеной гаража, где все еще лежал смятый кузовок булыгинской «Победы».

Виден был изуродованный багажник — ударили сзади, на большой скорости. Булыгин руля не выпустил, а шейные позвонки не выдержали. Говорили: полковник просил завгара обождать, не сдавать булыгинский кузовок в лом. Для наглядности, что ли?

Булыгин, до с в о е г о с л у ч а я, сидел на планерках вот на этом самом стуле, на котором теперь место Мокеева. У полковника издавна такой порядок — каждый сидит строго на своем месте.

Булыгин был одним из первых в области гаишников, из самых известных. Легенды о нем и теперь рассказывают новичкам. Как, например, остановил Булыгин одного злостного угонщика, голыми руками остановил. Началась вдруг серия угонов. Частники-любители чуть не в машинах ночевали, и все же каждую ночь пропадала машина из гаража или с улицы. Угонщик катался сколько мог по окрестным дорогам, потом бросал машину, да злобно бросал: то в кювете, то поперек дороги развернет, за крутым поворотом, чтоб другая машина стукнула. На ноги подняли всех, долго поймать не могли. Затаится — несколько ночей не слышно. Потом опять... Булыгин поймал. Как он разглядел ночью в старом ЗИСе угонщика — кто его знает. Он и сам толком сказать не мог. Но увидел, что не та рука машину ведет, какую-то неточность заметил — глаз-то набит! И дело было на окраине, под тусклой лампочкой. ЗИС выворачивал из переулка — его там хозяин

на ночь оставил, чтоб поутру в гараж не бежать. Булыгин руку поднял — стой, мол! Тот газанул мимо, и тут Булыгин руку в карман сунул и швырнул в боковое стекло. А чем швырнул, только потом выяснилось. Угонщик пригнулся, с управлением не совладал и воткнулся в забор. Ну, остальное — дело техники. Потом оказалось, что он ключами от квартиры запустил в угонщика. Наутро приехал на место — искали, еле нашли. Смеялись еще тогда.

А теперь вот Мокеев сидит на планерках на булыгинском месте. И должность от Булыгина перешла — старший инспектор дорожного надзора. А Булыгина нет.

Полковник в это время зачитывал суточную сводку областных происшествий, выбирая оттуда то, что касалось службы ГАИ:

— «В поселке Талка у гражданина Васильева из сарая похищен мотороллер «Вятка», новый. Машина найдена на седьмом километре дороги, в лесу, разобранная, сняты колеса и карбюратор. Ведется расследование...

В 20 часов 44 минуты на улице маршала Мерецкова неизвестной машиной сбит гражданин Собин Н. Я. Водитель с места происшествия скрылся. Машина, предположительно ГАЗ-69, разыскивается...

В новом районе, на пересечении улиц Строительной и Социалистической, мотоциклист не увидел открытого люка на проезжей части... С тяжелыми ушибами доставлен в областную больницу...»

Товарищи, я не для развлечения читаю сводку. Делайте сразу пометки, кого это касается. Что за люк, кто виноват? Тотчас разберитесь, накажите виновных. Может, там работы кто-то вел, проверить — кто, найти прораба. Люди перестают думать о ближних...

«Во дворе дома номер восемь по улице Чкалова водитель мебельного автофургона, разворачиваясь, задел правым передним колесом мальчика, Борю Стафеева, четырех лет...

В поселке...»

— Что с мальчиком, товарищ полковник? — вдруг спросил Мокеев.

Полковник поднял голову:

— С каким мальчиком?

— С Борей этим, Стафеевым?

— А, с Борей... — Полковник оторвался от сводки. — Дежурный, что с мальчиком?

Встал лейтенант Виктор Куль, сказал, заглядывая в журнал:

— В травматологию отправили Борю. Мать там была рядом, во дворе. С соседкой, что ли, заболталась... Я еще не узнавал, что с мальчиком.

— Ну-ка быстренько позвоните! — попросил полковник.

Виктор вышел звонить.

Полковник секунду смотрел на Мокеева, затем снова углубился в сводку:

— «В поселке лесопильно-мебельного комбината водитель ЗИЛ-130А на повороте не справился с управлением и произвел опрокидывание. В кабине кроме водителя ехал гражданин С. В. Колосов с сыном. Отец получил перелом позвоночника, сын в тяжелом состоянии доставлен в железнодорожную больницу. Водитель в нетрезвом состоянии...»

В нетрезвом состоянии, — задумчиво повторил полковник. — Дело

произошло в одиннадцать двадцать утра, а водитель грузовой машины уже в нетрезвом состоянии... Где ж он умудрился так рано?

— На старые дрожжи, наверное, — предположил кто-то от двери.

— На старые, — повторил полковник. — Господи, как мы хорошо подготовлены, товарищи! Просто холод по сердцу, до чего хорошо мы с вами подготовлены: заочно знаем, что на старые дрожжи. А двух человек можем недосчитаться. Проверьте в лесопильно-мебельном, кто там наколбасил. Здесь почему-то нет фамилии водителя. Проверьте механика, всех, кто имеет отношение к случаю, и как из гаража ушла машина с пьяным водителем, почему в кабине оказался отец с сыном? Все срочно узнать и доложить!

Виктор Куль вернулся, доложил:

— Домой отпустили Борю, к маме: ушиб у него, возможно, легкое сотрясение. Мать предупредили, чтоб последила. На голове ссадина небольшая.

— Вы там потревожьте этого автофургонщика — пусть правила пересдаст. И вождение посмотрите — заставьте покрутиться, где потеснее! — приказал полковник, и все, кто мог иметь отношение к нарушителю, записали себе в рабочие блокноты: «Автофургон мебельный...» — Так, товарищи. — Полковник взглядом перебрал всех поочередно. — Через день праздник. В этом году три дня подряд празднуем — нагрузка будет предельной. Снег не выпадает, частник колеса в гаражи не прячет. Будет движение — будут и происшествия. У меня просьба: вы, Мокеев, примите-ка сегодня дежурство у Виктора, чтобы вас в праздничные дни не тревожить. Не возражаете?

Мокеев не возражал. Полковник, как всегда, помнил самое главное. А главное в предстоящий праздник для самого Мокеева было — приезд отца.

Внизу, в комнате дежурного, Мокеев расписался в книге, проверил сейф с оружием, надел повязку повыше локтя и положил под стекло утреннюю телеграмму, с которой сегодня начался день. Отец обещал быть на праздник, сообщал поезд и номер вагона.

Пошел народ через дежурку, зазвонил телефон, задвигались фишки на карте города и окрестностей, но память еще некоторое время сохраняла утро и утреннее ощущение жизни. Булыгин, бывало, философски рассуждал: «Настроение всякое — от ума...»

Тогда Мокеев у Булыгина помощником был. Как теперь у него — Олег.

Булыгин тогда и рассудил: если от ума — то настроение, а если от молодых лет и от здоровья, — значит, тонус.

Но сегодня, пожалуй, было именно настроение — так Мокеев определил для себя. Странно, но в последнее время все чаще чувствовал он, будто от старика Булыгина получил наследство. Другими словами это ощущение и не передать — именно наследство. Хотя и не скажешь точно, в чем именно оно заключается.

Или потому о Булыгине подумалось, что отец вдруг нашелся? Мокеев не успел окончательно решить вопрос — пришел старшина Ростислав Яковлевич (Яклич) с площадки, попросил помощи:

— Товарищ старший лейтенант, сил нет, зашиваюсь, честное слово...

Если Яклич обращался так официально, значит, помощь требовалась всерьез. И просил Яклич именно его помощи, самого Мокеева. Олег, помощник, готовился

к сессии, по возможности его старались не трогать. Не сговаривались, но не трогали без крайней нужды...

На площадке было тесно от машин и водителей.

Не так давно установили новые правила, и ГАИ теперь перед каждым праздником и просто перед каждой субботой проверяла готовность городских машин. В основном, конечно, ехали на рыбалку. Или по грибы-ягоды. И каждую пятницу перед зданием ГАИ на смотровой площадке собиралась толпа. И каждый спешит, и стучат по часам, и приводят доводы. Работников в ГАИ мало, а машин в городе все больше и больше. И учреждений, кажется, прибавляется, и рыбаков не убывает. И всем надо быстрее.

Площадка сдержанно загудела навстречу Мокееву, а один из ожидающих, молодой, призывно крикнул:

— Товарищ капитан! Сколько ж торчать? Заждались!..

— Ты не замуж ли за меня собрался? — спросил Мокеев и постучал по своему погону. — Льстишь...

Вокруг засмеялись, и Мокеев понял, что скучно на площадке не будет. Вот тепла не мешало бы: с серого неба сыпало мелким дождем, как из пульверизатора в парикмахерской, а с близкого озера толчками наносило холод, от которого хотелось спрятать руки в карманы.

— Товарищи водители, — сказал Мокеев, — госавтоинспекция просит извинить за задержку с осмотром техники: нет людей, штаты не укомплектованы...

— Нам-то какое дело!.. — заворчал кто-то поблизости. — На все причины...

— Желающие работать в ГАИ пройдите в отдел кадров, второй этаж, слева пятая дверь, — сказал Мокеев. — Гарантируем общежитие.

— А премия? А прогрессивка? — посыпалось со всех сторон.

— Обойдетесь, — сказал Мокеев, улыбаясь и подступая к синему автобусу.

Мокеев постучал по крылу:

— Чье средство?

Вторым за автобусом стоял старый, трепаный газик из первых выпусков, с фанерной еще кабинкой.

— Чей конь? — спросил Мокеев и, выделив водителя, остановил его рукой — тот готов был залезть в кабину. — Что за контора?

Водитель ответил: сноп... снаб... сбытперегрузка...

— У вас что, ничего попримичнее не нашлось? Ты ж не жмых повезешь, не макулатуру, не мусор. Людей.

— Есть ЗИЛ новый, но он задействован сегодня...

— Задействован... Вот давай, друг, на новом ЗИЛе и приезжай. А этот рыдван чтоб я тут больше не видел — его и на кладбище не примут. Кузов прогнил, колеса хлюпают, поржавела тележка. Куда ж вы уедете на такой? — Мокеев заглянул в кузов. — А это что за тросы? Да смотри, пол всюду пробит, щепки торчат. Нет, не разрешу на такой. День рыбу ловить, два дня занозы дергать. Нет, и не проси. Завтра с утра покажешь ЗИЛ, а этот гроб чтоб тут больше не стоял! Все!

Водитель не шибко и возражал. Кажется, он даже доволен был, что все так быстро уладилось, молча свернул путевку и уехал. Мокеев посмотрел ему вслед, подумал про себя: а может, ему, водителю, вовсе без интересу та рыбалка. Может,

он и не рыбак вовсе и у него другие планы?... Тоже ведь проблема... Может, просто начальство настаивает?

Мокеев повернулся к шоферам — они ходили за ним гурьбой:

— У кого есть похожее средство, лучше не ждите. Мы тут не лицензии выдаем на людей, имейте в виду...

Мокеев быстро заглядывал в кузова, перебирал обязательное снаряжение, заставлял показать знак аварийной остановки, откручивал вентили огнетушителей, проверяя, заряжены ли, требовал кошму, песок, лопату. Водители крутили руль, зажигали огни поворотов, показывали справки ОСВОДа, что они умеют оказывать первую помощь утопающему.

Как сложно стало ловить рыбу!

Все шло своим чередом — таким привычным, обыкновенным. И между делом вспомнил Мокеев, что слова про лицензию — опять же булыгинские слова. Это Булыгин задумался на одном дежурстве, как бы пораньше человека раскусить, прежде чем ему права водительские вручать. А то у нас бывает: не права, а лицензию на человека вручаем. Ведь, если по-честному, никто всерьез людей не отбирает в шоферы. Хочешь иметь права — валяй, имей. Иному и вожжи-то в колхозе доверить страшно, а ему — права. Как тот, с лесопильно-мебельного, который вчера сразу отца и сына погубил.

Тут чего-то придумать нужно и ограничения какие-то определить. Нельзя, чтобы всякий садился за руль и жертву себе выискивал на улице. Из автоколонны начальник звонит, плачет: «Не лишайте вы моих, машины простаивают... план горит, про премиальные уж молчу...» А как не лишать, если, бывает, сядешь в кабину тормоза проверить — и дух сивушный с чесноком, и шофер в сторону дышит, чтоб не наносило...

Мокеев думал обо всем этом и не сразу понял, что за человек стоит перед ним и какое отношение он имеет к машине. Исцарапанная рожица возникла откуда-то сбоку, симпатичная рожица. Парнишка был молод, заносчив, ему так хотелось обратить на себя внимание — верный признак того, что все у этого парнишки в ажуре и молодого водителя просто распирает от уверенности. Мокеев любил таких парнишек: наверняка только что из армии, получает первые зарплаты, и очень ему нравится рабочая самостоятельность и финансовая независимость от папы и мамы.

Мокеев по себе помнил это чувство независимости, это ощущение — хозяин своего положения, — такое дорогое в двадцать лет.

— Адский водитель, — сказал Мокеев, глядя на парнишку. — Кошки об тебя когти точили?

— Было маленько, — согласился парнишка, не смущаясь, не чувствуя себя виноватым.

Из этого Мокеев сделал вывод, что царапины водителя к безопасности движения отношения не имеют. Но все-таки по привычке насторожился.

— Показывай средство, — сказал Мокеев, и парнишка забрался в кабину. — Левый поворот... правый... колеса... — Водитель вращал руль, зажигал фары, подфарники, подвинулся на сиденье, уступая место Мокееву; тот попробовал тормоз, вылез, перебрал в кузове снаряжение, взялся за пугетку.

— Где подпись механика? — спросил Мокеев.

Водитель вытянул шею — очень смешно это у него получилось.

— Нету? Так давайте, сейчас будет... — Он протянул руку за путевкой.

— Откуда будет? — спросил Мокеев.

— Да я распишусь за него, делов-то...

— Постой, ты кто? Водитель или механик?

— Шофер.

— А мне подпись механика вашего нужна. Механика! Он отвечает за свое, ты — за свое. Ишь как легко у тебя: давай распишусь...

— Ага, усек, — согласился водитель.

Но Мокеев еще потребовал:

— И переоденься. И лицо приведи в порядок — людей повезешь! Если есть галстук — надень, не повредит. А то, брат, что-то масло с тебя капает... В мазуте тебя купали, что ли? Вместе с редуктором? Переоденься, золотко...

Мокеев двигался от машины к машине, шутил или сердился, смотря по обстоятельствам, пальцы уже заледенели, но попросить кого-нибудь сходить в дежурку за перчатками он совестился, а отлучиться самому тоже вроде нельзя — работа наладилась, осмотр шел быстро, люди вокруг прониклись тем же рабочим настроением, какой владел теперь старшим лейтенантом Мокеевым, и он боялся нечаянно разрушить это ладное взаимопонимание.

Ветер задувал, и дождь все сыпал, и Мокеев подумал, что, пожалуй, к вечеру похолодает, не миновать гололеда, и спокойного дежурства не жди.

— Песок... огнетушитель... лопата... кошма... Это разве кошма? Это кошмар, ее моль съела... Не знаю, не знаю, хотите ехать — найдете... А это что? Почему фургон не привинчен к кузову? Так было?.. Было... Больше не будет... Хотите ехать — привинтите, полчаса делов...

А это чей броневичок? На площадке, с самого края, остался один водитель и одна машина, странная помесь из трех-четырех машин сразу — марку не определить. Какая-нибудь несчастная контора, которой по штату положена машина и которой без конца суют что-нибудь списанное. Утильные средства, из которых кто-то должен сделать конфетку, чтобы ГАИ не липла.

— Мой броневичок, — сказал водитель.

Он оказался плотным, степенным, каким-то очень основательным, даже на взгляд. И все в машине, как ни придирался Мокеев, оказалось безукоризненным. Все в этой сборной солянке было с бору по сосенке, но все отлажено, удобно, все с руки. Есть такие водители, для которых машина — на первом месте. А потом уж — жена, дети, квартира и всякие удобства. Впрочем, наблюдения показывали, что у такого шофера и жена в порядке, и дети не лоботрясы, и одно оставалось непостижимым — как? Откуда у одного человека столько времени берется, что все он успевает — и машину, и квартиру, и пятое-десятое? А у другого сплошной цейтнот. Мокеев уверен был, что в той конторе, где этот водитель служит, и гаражик неважный, и условий нет, и запчасти со слезами, а вот — порядок полный.

— Какая организация? — спросил Мокеев, принимая путевку. Что-то в усатом лице водителя мелькнуло отдаленно знакомое, однако не вспомнилось.

— Не узнаешь меня, старшой? — спросил водитель.

Мокеев всмотрелся:

— Нет, брат, прости, не узнаю.

— Крестник, старшой... помнишь... вниз головой... Не узнал? Запомню, старшой. Вот тут у меня, — водитель провел пальцем над верхней губой, — тут метка у меня. Заросла, вишь, волосом...

— Да ну! — радостно удивился Мокеев. — Если метка, то помню. Николай?

— Ну! — расцвел водитель, и теперь, когда он улыбнулся, Мокеев окончательно узнал.

— Где ж ты теперь? — опять спросил Мокеев.

— У художников я, при ихнем союзе, — сказал Николай. — Вот на этой «старушке» службу, можно сказать, сам собрал...

— Да уж вижу, что сам, — сказал Мокеев. — Заходи, Николай, как время будет. Я тут через два на третий дежурю...

— Спасибо, зайду..

На Николаевой машине осмотр закончился. Мокеев сунул вконец застывшие руки в карманы шинели, пошел в тепло, в дежурку, и ясно вспомнил встречу с Николаем — ту, первую.

Он, Мокеев, тогда еще старшиной был, у Булыгина помощником — это ему позже звездочки на погоны дали, месяца через три, когда он остановил пьяного — вспрыгнул на капот и закрыл собой ветровое стекло. Как под колеса не свалился — до сих пор непонятно. А тогда Мокеев на дежурство шел. Поздно было, темно и скользко, как сегодня вечером будет. Он шел на дежурство после ужина. Вокруг темнота, но фонарь у Мокеева был с собой, аккумуляторный фонарь, с автомобильной фарой, метров на сто брал — прожектор. Через переезд прошел. Слышит, машина сзади уркнула, осветила. Мокеев посторонился, чтобы пропустить. Свет скользнул еще вбок и погас. И мотора вдруг не стало слышно. Мокеев обернулся — темень. Включил свой прожектор, осветил на дорогу — нет никого. Что за черт, пригрезилось, что ли? Посветил на обочины — опять нет никого. И не слышно ничего, вот беда. «Ну, — подумал, — чудиться начинает, на пенсию пора». Помнится, засмеялся еще: на пенсию!.. Только армию отслужил, двадцать три года человеку, только-только сынишку запланировал — и на пенсию...

Хотел дальше идти, потом решил-таки проверить себя, еще осветил, сбоку от дороги, справа, по ходу. Чертовщина. Нет ничего. Слева осветил. Хорошо, догадался слева осветить! Скользко было. Машину влево занесло, на чужую сторону дороги, и опрокинуло там, слева, задом наперед поставило и опрокинуло. А к дороге в том месте болотце подступало, и легла трехтонка мягко, как на поролоновый диван завалилась, без звука. Подбежал Мокеев к машине, осветил — колеса еще качались. Кабина крышей в грунт ушла — и ни звука оттуда, не слышно шофера. Посветил в кабину — там он, голуба, глаза налились, и горло, видать, схватило у него — ни крикнуть, ни позвать... «Живой?» — спросил Мокеев. А тот: «Чего вылупился? Тащи меня отсюда, и фонарь сунь подальше, а то...»

Чего «а то», Мокеев понял сразу — сильно пахло бензином: то ли пробки у

бака не было, то ли сорвало. Думать некогда, схватил он шофера, начал тащить. А тому рукав ватника прищемило, да крепко. Пришлось без рукава вытащить. Сам бы он и шевельнуться не смог — прижало, да еще вверх ногами, не распрыгаешься.

Вытащил шофера. От него бензином разит до тошноты. В те годы еще на этилированном ездили. Вылезли они на дорогу, а за спиной вдруг фонтаном вспыхнуло — никакого фонаря не нужно, все болото засветилось. Отошли подальше. Повернулся Николай, смотрит на костер и молчит. Из-под шапки у него пот льет, лицо дергается, и весь он вздрагивает, будто озябшая лошадь. Ну там акт, протокол, как полагается, все оформили. Отогрелся Николай. На следующий день (Мокеев отдыхал после дежурства) пришел домой к Мокееву: «Ты, браток, извини, но я тебя как человек прошу — выпей со мной». Мокеев отказывался, ссылаясь, что не пьет — он и вправду не пил совсем. Но Николай сказал: «Я тебя вот как прошу, я тебя нижайше прошу, очень». И Мокеев сдался. И они выпили и поцеловались. И посейчас Мокеев помнит тот вечер, и ту бутылку водки, и то ощущение жизни, которое исходило в тот вечер от тетки. Мокеев так проникся тогда этим ощущением, будто не он Николая, а Николай его вытащил из опрокинутой кабины за минуту до замыкания аккумулятора. И будто не Николай ему, а он Николаю захлеб рассказывал, как перед самым переездом почему-то выбросил недокуренную «беломорину». Случая такого не было, чтоб недокуренную выбрасывать, а тут — выбросил...

Вот такой крестник был у Мокеева.

После того случая тезка куда-то пропал. То ли уехал, то ли в район перевелся, Мокеев точно не знал, знал только, что Николай сразу бросил курить, как отшибло.

«Забыл спросить, курит ли теперь», — подумал Мокеев и вошел в дежурку.

Динамик будто ждал его, тут же захрипел и произнес что-то невразумительное.

— Это пятьдесят третий, — узнал Олег и сказал в микрофон: — Пятьдесят третий, заглушите мотор, вас не понять.

Пятьдесят третий заглушил мотор, и стало чуть внятнее:

— Шестой, шестой, я — пятьдесят третий! Как слышите?

— Слышу, — сказал Олег, — прием.

— Шестой, тут на Зареке «Жигули» опрокинулись, без жертв. Можно пригнать в ГАИ? Прием.

— Давай, пятьдесят третий, гони! — сказал Олег, глянув на Мокеева. Тот кивнул. — Гони! Прием.

Мокеев погрел руки у батареи, покрутил телефонный диск, набрал бюро погоды. Обещал ему механический голос дождь и минус три градуса.

«Первая ласточка уже есть», — подумал Мокеев про неведомые «Жигули».

Взглянул на часы — они показывали два. Через два часа нужно бы проехать по Урицкого — Валя должна идти с работы. «Через два часа», — повторил про себя Мокеев, и тут вошел лейтенант из ВАИ — военной автоинспекции.

— Привет, коллеги! — сказал лейтенант. — Что ж вы заставляете нас вашу работу делать? Принимайте обормота, этот по вашей части. — За лейтенантом вошел мальчишка лет пятнадцати, усики уже пробиваются, глаза бегают, лицо

растерянное, а перчатками-крагами хлопает себя по ноге, будто не терпится ему. — Вот, — снова представил его лейтенант, — ехал на мопеде и еще на багажнике пацана вез. Как под КраЗ не угодил — чудо какое-то, наверное, бог все-таки есть, не допустил, в полуметре колесо прошло...

Начался обычный разговор.

— Сколько вам лет, молодой человек? Фамилия, имя, отчество?

— Пятнадцать. Будет в декабре. Санин, Женя.

— Со скольких лет можно ездить на мопеде по городу? А, Санин?

— С... четырнадцати... — как можно увереннее ответил пацан.

Мопед стоял в коридоре.

— Так вот, Санин Женя. На таком мопеде ездить разрешается с шестнадцати лет. Так что это первое ваше нарушение. Кто купил вам мопед? Папа? Так, спросим с папы. Где папа? В командировке папа. Так, это мы проверим, Санин Женя. Еще вопрос: когда вы получите паспорт? В шестнадцать лет, правильно. Паспорт закрепит за вами, Санин Женя, гражданские права и даст вам право, относительное пока, распоряжаться собственной жизнью. Так? Я понятно говорю? Понятно, хорошо. Право распоряжаться собственной жизнью что означает? Ну, можно пойти работать, можно прописаться дома или в общежитии, так? Так. Я рад, что вы согласны. Но запомните, Санин Женя, что даже паспорт, который вы получите через год, не даст вам права распоряжаться жизнью других людей. Вот здесь главное ваше нарушение, Санин Женя. Вы посадили на багажник пацана и, стало быть, рисковали не только своей головой, но и головой приятеля. Какое вы имеете право рисковать чужой головой, Евгений Санин, если вы даже собственной еще не распоряжаетесь?

— Почему ж это собственной не...

— А потому, что мопед вам купил папа, вот почему! — отрезал Мокеев, уже начиная сердиться на этого Женю, привыкшего задираться и ставить на своем. Он и дома, наверное, канючит, и любящий папа выдал ему мопед за двести рублей то ли на радость, то ль на погибель...

— Вот что, Санин Евгений. Поскольку я вам говорю одно, а вы там про себя мните нечто другое, приходите-ка за мопедом с папой.

— В командировке он.

— Тогда с матерью.

— Она с ним уехала.

— Так. Вместе, значит, уехали?

— Вместе.

— У вас что, большая семья? Кто из детей, кроме вас, Женя?

— Сестра еще, в первом классе.

— Так. Ну что ж, мне торопиться некуда. Мопед арестован, вы можете быть свободны. Приедет отец — милости прошу за мопедом и на душевную беседу. Желательно в мое дежурство, после праздников, ясно?

— Да.

— Иди, Женя, корми сестренку.

Санин Женя потоптался и ушел. «До свидания» не сказал — не до того Жене Санину.

— Расстроил человека, — сказал Мокееву Олег.

— Кто его знает! У меня впечатление такое, что я сам больше расстроился, — сказал Мокеев. — Верись, я как вижу, пацан на улице падает или просто спотыкается, у меня в паху холодит, будто сам валюсь. Раньше не было, а как сына вырастил — холодит. Своему я мопеда не куплю, это уж будьте спокойны.

— Что так?

— А так, баловство. Денег не жалко, но ведь и дорого по нашим-то прибылям. Я, понимаешь, боюсь своего парня испортить. Вольной валюты ему не даю. Валя в школе тоже не ахти какие тысячи зашибает, очень не разойдешься. А сам я в четырнадцать лет шестьсот рублей домой приносил, копейка в копейку. Семь классов окончил и — работать. В совхозе мать счетоводом работала, рублей семьсот приносила — деньги еще старые были, — Да я — шестьсот. Воду возил от речки. Бочка круглая, лошадь старая, подъем крутой. В речку загонишь телегу задним ходом — да черпаком, черпаком! А черпак ведерный — наломаешься, пока бочку нацедишь... А в гору заскрипит телега да вода из горловины побежит — верись, так бы ладонями и собрал обратно, да. А ты говоришь — мопед... Самое выгодное дело было, но меня только через год к нему допустили — камень ломать. Бригада была, мы этот камень там же, у речки, ломали — на берегу, из обрыва. Потом известь из него производили... Он такими плитами ломался, так мы, пацаны, эти плиты на телегу по двое, по трое кидали, враскачку. Поворочал я всласть. И про мопеды, знаешь, Олег, не было про мопеды разговору...

Мокеев поводил пальцем по стеклу на столе. Под стеклом лежала телеграмма отца.

— Теперь время другое, — сказал Ростислав Яковлевич, — Благо, понимаешь, состояние растет...

— Другое, — согласился Мокеев, — кто спорит. Но я так понимаю, Яклич, что для всякого состояния у нас должен быть один закон: удовольствие пусть вперед работы не забегает. Иначе мы себя испортим.

— Это так, — сказал Яклич.

Вошел Суржин, или, как в ГАИ все его звали, лейтенант Володя. Было еще два Володи; все Андреевичи, Этот был лейтенантом Володей, в отличие от двух капитанов.

Лейтенант Володя был старым приятелем Мокеева, занимался он дорогами, строителями, неурядицами и непрерывным улучшением организации движения. Улучшение это всегда во что-нибудь упиралось, часто в непредвиденное. Лейтенант Володя каждый раз, встречая административное препятствие, удивлялся искренне, по-детски. Он горячо доказывал «смысловую сторону вопроса», смешно разводил руками, когда его не понимали или делали вид, что не понимают. Потом, немного остыв, лейтенант Володя приступал к длительной осаде, готовил убедительные письма в инстанции — о «смысловой стороне проблемы», — подшивал ответы, составлял графики, вычерчивал схемы — словом, как он выражался, «развивал и двигал». Наверняка и теперь лейтенант Володя развивает и двигает какое-нибудь очередное и очевидное дело, и сейчас просто зашел поплакаться старому приятелю в жилетку.

— Привет, — сказал лейтенант Володя, — привет дежурной службе. Как

несете?

— Хорошо несем, — ответил помощник Олег.

— Пока тихо, — сказал Мокеев. — Привет, смысловая сторона.

Этого хватило, чтоб лейтенант Володя завелся:

— Да откуда смысл!.. — Он отмахнулся. — На стыке проспекта Свободы и Калинина эти кусты идиотские никак не вырублю... И не могу сообразить — почему... Тьфу!

— Во-первых, не кусты, а яблони, — поправил Мокеев.

— Кусты! — с нажимом сказал лейтенант Володя. — Кусты! Потому что яблони обязаны давать яблоки. А на этих кустах никто отродясь яблок не видал...

— Зато как по весне цветут! — возразил Мокеев, слегка подражая зампреду горисполкома — его манере говорить, повышая голос к концу фразы. — Как цветут! Какая россыпь белизны! Сколько радости доставляют задерганным горожанам в вегетативный период...

— Тебе смешно... вегетативный. На этом стыке давно зреет... Четвертое происшествие за полтора месяца. Кончится трагедией эта россыпь белизны...

— Пустяки — не аргументы, — продолжал Мокеев поддразнивать приятеля. — Там даже не столкновения, а так — касания. Даже выбитого стекла еще не было...

— Стекла-то — ладно. А покойника мы дождемся. Как аргумента... Слушай, Николай, а ведь кроме шуток, а? Непонятно и стыдно, если из-за двух паршивых кустов появится в сводке лишний покойник.

— Про эти яблони мы лет десять долбим. Начали еще до твоего появления на гаишном горизонте, Володя.

— Тогда я тем более не могу понять, где же смысловая сторона... почему зампред так уперся в эти кусты?

— А ты бы со старыми кадрами посоветовался.

— Вот видишь, пришел же...

Мокеев повернулся к старшине Ростиславу Яковлевичу — тот восемнадцать лет крутил милицейскую баранку:

— Яклич, ну-ка просвети молодого, необученного, в чем россыпь проблемы.

Яклич снял фуражку, покрутил в руках — тоже старая привычка, будто на митинге слово держит.

— Да как сказать, Николай Васильевич, дело известное...

— Яклич, не рви ты душу лейтенанту Володе — парень извелся весь...

— Одно скажу: Иван тут Трофимович замешан.

— Какой Иван Трофимович? — спросил лейтенант Володя недоуменно.

Ростислав Яковлевич не ответил, только посмотрел на Мокеева. Мокеев насмешливо сказал:

— Ну, лейтенант Володя, если ты не помнишь Ивана Трофимовича, то я уже не знаю... где твоя смысловая сторона. Напрягись, лейтенант, соберись с памятью. Иван Трофимович!

— Ну да! Неужели... сам?

— Видишь, пошарил в памяти и нашел. Да, сам.

— А при чем тут он? — снова спросил лейтенант Володя. Он ужасно бывал

недогадлив, когда застанут его врасплох или огорошат вот так, как сейчас.

— Твое счастье, Володя, что ты в ГАИ попал. В угрозыске ты бы неделю не продержался с такой реакцией. Лет двадцать назад случился в городе воскресник, и на том воскреснике Иван Трофимович посадил яблоню, первую в городе. Теперь их, как говорится, несколько штук, и все на месте, кроме этой, первой. Она в цвету перекрывает видимость на перекрестке, и кто-то когда-то поплатится за эту россыпь белизны...

— Здоровьем или жизнью?

— Смотри накаркаешь...

Возникла пауза. Мокеев с интересом рассматривал расстроенное лицо лейтенанта Володи, старшина Ростислав Яковлевич крутил в руках форменную фуражку, смущенный своим знанием городских тонкостей, а помощник Олег, усмехаясь, читал Тургенева — Олег учился на заочном отделении, свободную минуту на дежурстве он отдавал знакомству с классикой.

Подал голос городской телефон.

— Дежурный ГАИ старший лейтенант Мокеев слушает!

Некоторое время Мокеев слушал, одна бровь его поднялась, подергалась, выражение иронии скользнуло по лицу и пропало.

— Нет, этого мы не можем сделать. Если считаете нужным — сообщайте нам, мы разберемся, а таких сведений не даем. Нет, дорогой товарищ, давайте без самодеятельности!

...Так что же, товарищ лейтенант, будем делать с плодовыми деревьями — украшением города?..

— Кусты, — буркнул лейтенант Володя и вышел.

— Расстроили человека, — сказал Яклич и надел фуражку.

В дверь коротко стукнули, и вошел сержант с пятьдесят третьей машины, а за ним еще двое — один ничего, другой какой-то влажный: глаза блестят, лицо потное, справа, у виска, Мокеев заметил слипшуюся прядь волос, подозрительно черную.

— Прибыли! — объявил сержант. — «Жигули» у парадного подъезда, хозяин вот он, собственной персоной.

Хозяин держался прямо, но дышал в сторону.

— Ростислав Яковлевич, вызови-ка «скорую», гражданин голову, кажется, разбил! — четко сказал Мокеев, и все его слышали.

— Не надо «скорой», товарищ дежурный, — сказал хозяин «Жигулей». — Дешево отделались, пустяками обошлось.

— Отставить «скорую», старшина! — сказал Мокеев. — Пошли посмотрим, что там за пустяки у парадного подъезда...

Все вышли на крыльцо. Сверху сыпал снег — пушистый, холодный. Нет, не миновать гололеда к вечеру! «Жигули» стояли понурившись — машина словно чувствовала себя виноватой здесь, у дверей ГАИ. Лобовое стекло, сплошь молочно-белое, в трещинах, выдвинулось из рамы, крыша вмялась внутрь кузова и нависла спереди козырьком, левая фара превратилась в аккуратный эллипс, багажник перекосило, и крышка не открывалась.

Мокеев взглянул на спидометр: машина прошла... сто пятьдесят километров.

— Н-да, хозяин, не много ты проехал за пять с лишним тысяч... — сказал Мокеев, искренне расстраиваясь за порченное добро.

— Н-ничего, — сказал хозяин, — дело-то пустое, рублей на пятьдесят ремонта, ерунда.

Мокеев коротко взглянул на хозяина, поморщился. Держался хозяин преувеличенно прямо, то и дело расправлял плечи, но познабливало его от пережитого, передергивало, и тут уж он ничего не мог с собой поделаться — психика!

— Ну, хозяин, крупно живешь! — сказал Мокеев, открыл дверцу, попробовал тормоза — исправны, — Что делать теперь, а?

— Поправим, — выдохнул хозяин,, и по тому, как он сказал одно это слово, Мокеев решил, что выпили они с дружкой порядочно, никак не меньше бутылки на нос. Хозяин старался говорить покороче и на выдохе — так ему было легче. Длинных фраз он избегал, чтоб не запутаться.

— Сначала давайте протокольчик составим, — сказал Мокеев, — чтобы разговоров не было. А потом уж насчет ремонта похлопочем.

Мокеев пошел обратно в дежурку. И пока шел, думал, что легко, видать, деньги достаются хозяину, если после бутылки водки он садится в машину покататься по молодому льду на мостовых.

Ко всему прочему у хозяина еще и прав не оказалось. Мокеев отправил хозяина на экспертизу, чтобы официально засвидетельствовать опьянение, а дружка, с которым тот катался, посадил за стол:

— Вот бумага, ручка, пишите.

— Чего писать? Я ж просто пассажир.

— Опишите все, как было. Куда ехали, где перевернулись, сколько выпили, где, когда — обо всем.

Дружок загоревал:

— Да чего там выпили — разговелись только!.. Он говорит: «Пойдем — покатаю на «Жигулях» на новых...»

— Вот и опишите, нам все интересно.

В дверь постучали. Олег, помощник, сказал, не отрываясь от Тургенева:

— Да!

Но не громко, видать, сказал, потому что постучали снова.

Олег отложил книжку.

— Ну кто там у нас такой робкий! — И распахнул дверь. За дверью стоял старый знакомый, у которого арестовали мопед. И женщина рядом. Мать, конечно. Сколько в глазах этой женщины было тревоги, недоумения, смутного вопроса.

— Что случилось, товарищ... милиционер? — не спросила, а выдохнула она, обращаясь к Мокееву прямо из коридора.

Нужно было дать ей успокоиться и «пропитаться» атмосферой. Поэтому Мокеев извинился:

— Минуточку, пожалуйста, подождите. Вот здесь, за столом. Садитесь, пожалуйста. Сейчас я товарищам дам задания, потом мы с вами поговорим. — Он усадил женщину за стел. Заглянул через плечо дружка, который скрипел пером, старался: — Как дела?

— Да вот, сочиняю.

— Ну-ну, правду только сочиняй, чтоб не запутаться.

— Так чего там! Выпили-то по капельке...

— Укажи, сколько капелек...

Вернулся хозяин «Жигулей» после экспертизы. Ростислав Яковлевич, который хозяина сопровождал, незаметно кивнул Мокееву: «Порядок!» Они давно дежурили вместе, и давно разработана была беззвучная система сигналов: вошел, кивнул, — значит, хозяин опьянение признал, протокол подписан врачом, теперь осталось взять у хозяина письменное объяснение. Чтобы они с дружкой не сговаривались в деталях, Мокеев провел хозяина в соседнюю комнату, за свободный стол:

— Сюда, пожалуйста. Вот бумага, опишите все, как было: откуда ехали, куда, с какой скоростью, где перевернулись, где, с кем и сколько пили перед поездкой — словом, все. И подробно. Административная комиссия будет разбираться, ей нужны серьезные и честные сведения.

— Понятно, — сказал хозяин. — Мне скрывать нечего...

— Ну-ну! — подбодрил Мокеев и вышел к родительнице. Женщина встала ему навстречу — он не стал ее снова усаживать. «Разговор официальный, можно и стоя», — решил Мокеев.

Прежде чем начать, он секунду-другую всматривался лицо женщины, пытаясь представить на ее месте свою Валю. Что-то не получалось. Потому хотя бы, что сына своего Мокеев сызмала приучил не врать. Вот с этого начать нужно.

— Что ж вы, молодой человек! — начал Мокеев. — Вы сказали мне, что мать вместе с отцом в командировку ехала. Неожиданное возвращение, а? Сюрприз?

Паренек отвернулся и молчал.

— Ну так как? — Мокеев обратился к мамаше: — Вы что, только вернулись в город?

— Да никуда я не ездила!

— Понятно, — сказал Мокеев. — Понятно. Будем считать этот момент третьей ошибкой: ложь представителю закона... Так что, Женя Санин, будем продолжать разговор или подождем, когда отец из командировки вернется?

Мокеев уже понял кое-что из отношений в этой неведомой ему семье. Перед матерью сын не боится показаться и лгуном, — видимо, простит. А до отца, который купил ему мопед, дело доводить не хочет. У всех свои сложности.

— И не отдавайте ему эту заразу! — близкая к слезам, заговорила мать. — И оштрафуйте подороже, а мопед в счет штрафа продайте! И черт с ним, с мопедом!

— Ну, ты! — вдруг прикрикнул сын. — Чего мелешь!..

— Ты как с матерью разговариваешь! — Старшина Яклич вскочил вдруг, вырос перед Женей Саниным. — Ты как с матерью говоришь! — Мокеев даже растерялся от такого взрыва Яклича, А Женя Санин отшатнулся от старшины, который, казалось, сейчас сомнет этого лживого мальчишку.

— Спокойно, Яклич! Пусть мамаша сделает вывод сама, а сейчас мы так порешим это дело. Поскольку Евгений Санин оказался человеком ненадежным, мы официально задерживаем его мопед и подождем, когда приедет из командировки глава семьи. Вот тогда, Женя Санин, милости просим за мопедом.

Заодно и поговорим.

— Так я же пришел с матерью, — сказал Женя Санин, на что-то еще надеясь.

— Видишь ли, Женя Санин, ты даже здесь, в ГАИ, позволяешь себе покрикивать на маму. Боюсь, мало будет проку от нашей беседы... Подождем отца. Думаю, это надежнее.

— Подождите, подождите, — сказала мать. — Пусть сам и разбирает... Сам купил, пусть сам и расхлебывает...

— Договорились, — подвел итог Мокеев. — Кстати, Женя, у крыльца «Жигулей» стоят, ты подойди и полюбуйся. Между прочим, эта машина на четырех колесах, а твоя — только на двух...

Санины ушли. Мокеев отобрал объяснения у хозяина «Жигулей» и его дружка. Молча прочитал, усмехнулся, протянул помощнику Олегу. Тот прочитал, невозмутимо положил на стол.

— Так сколько выпили, друзья? По сто пятьдесят, как пишет один, или по пятьсот, как сообщает другой? — Мокеев смотрел на хозяина.

— Какая разница, старшой! Так и так — сплошные убытки...

— Разница в правде. Только что тут Женя Санин завирался, пятнадцати лет от роду, теперь вы тут путаете, взрослые дяди. Договориться не успели, что ли?

— Так когда ж договариваться?! — сказал дружок. — Только на ноги стали — тут и гаишники...

— Будем считать, что вам повезло, — сказал Мокеев и отпустил гуляк, предупредив хозяина: — Во вторник на комиссию.

— Ладно, — махнул рукой хозяин «Жигулей», уже заметно протрезвевший. — Где машину искать?

— На платной стоянке искать, — сказал Мокеев.

Ушли.

Мокеев вздохнул. Яклич снял фуражку, собираясь что-то сказать, но раздумал, достал платок, вытер лицо, маленькую лысину, шею. Вывернул платок, вытер фуражку изнутри, по ободку.

Помощник Олег постучал пальцами по столу, вопросительно посмотрел на телефон, потом на радио, раскрыл книжку. Начал читать, оторвался, спросил Яклича:

— Как последнюю партию сыграл Карпов, не слышал?

— Вничью сыграл, — сказал Яклич, тоже болельщик. — Как думаешь, кто одолеет?

— Сильнейший, — сказал Олег и углубился в Тургенева.

— Окончишь заочный, будешь таких вот оборотов учить, — задумчиво сказал Яклич, имея в виду Женю Санина.

— Буду, — сказал Олег.

— Ты их совести учи, прежде всего совести, понял?

— Угу, — согласился Олег.

Телефон заурчал. Мокеев снял трубку. Лейтенант Володя спрашивал, как насчет обеда. Договорились пообедать вместе, время еще позволяло. Мокеев влез в свою черную форменную куртку. Вышли.

С неба сыпала холодная крупа, ветер леденил.

— Хороший хозяин собаку не выпустит, — сказал лейтенант Володя и поежился. — Куда двинем?

— А что, появился выбор? — удивился Мокеев.

Обычно, когда срывался домашний обед, Мокеев и лейтенант Володя ходили вместе в «Листик» — ближайшую столовую. Размещалась она в новом доме — в плане дом походил на трилистник.

— В «Листике» народу сейчас... — сказал лейтенант Володя. — Двинем давай в ресторан.

— Ого! Наследство получил?

— Съедем хорошую отбивную. Наследства пока нет, но повод к отбивной имеется. Позвонил я Ивану Трофимовичу...

— Да ну! Самому?

— Самому. Секретарша пыталась, кто и зачем. Я объяснил, что из ГАИ, по личному делу, очень срочно. Она там посоветовалась и соединила.

— У Ивана Трофимовича сын на «Запорожце» ездит, может, подумал чего... Ну и?..

— Ну, извинился я, сказал, что через голову начальства звоню. Так и так, вопрос серьезный и щекотливый...

— А он?

— А он говорит: «Да, пожалуйста».

— А ты?

— А я излагаю все как есть. Так и так, вы принимали личное участие в воскреснике сколько-то лет тому... Посадили собственноручно яблоню. Теперь мы эту яблоню никак не пересадим — разрослась, — а она закрывает обзор водителям, создает...

— Да не тяни ты! Знаю я всю правду про эти кусты!

— Яблони... Иван Трофимович говорит, что, мол, он ни при чем. Нужно — согласовывайте с исполкомом. Я говорю, что никак не согласовать, вот уже который год бьемся. Ссылаются на красоту — и никак. И я сильно подозреваю, что именно потому никак не сдвинется, что это вы ее сажали, эту яблоню... Он говорит: «Вот как?» Я говорю: «Да, так! Извините, но другого выхода не вижу, только к вам обратиться». Он помолчал, спрашивает: «И сколько вы согласовывали эту яблоню?» Я говорю: «Я занимаюсь года три, да до меня мусолили... думаю, лет восемь, не меньше». Он еще помолчал. «Спасибо, — говорит, — что позвонили. Я, — говорит, — это дело сдвину». Вот и все.

— Да-а! — искренне удивился Мокеев. — Это, брат, событие. Эх, жаль, время служебное, отметить бы надо!

— Ты ж трезвенник, Мокеев!

— Ну, по такому случаю... Но, считай, выговор у тебя уже есть, лейтенант Володя... Через голову действуешь, субординацию нарушаешь.

— Уже получил — устный правда.

— Когда успел?

— А сразу и получил. Пошел я полковнику, доложил: так и так. Прошу извинить, действовал через голову, нарушил субординацию, но другого решения проблемы не видел.

— И воткнул?

— Устный.

— Значит, доволен. Инициатива все-таки.

— Да, пожалуй. Чего будешь есть?

Они уже сидели за белым столиком, такие странные здесь в рабочее время; зал был полупустой, и все, кто был в зале, смотрели на них.

Заказали, закурили, пооглядывались, помолчали.

— Я уж сколько лет в ресторан не навещался! — сказал Мокеев.

— Что так? — на всякий случай спросил лейтенант Володя, хотя все в ГАИ знали, что любит Мокеев домашние обеды и вообще домосед, не гулена. Видел лейтенант Володя жену Мокеева — Валю. Не сказать чтобы красавица, не сказать чтобы сильно некрасивая — так, нечто среднее.

Лейтенант Володя был еще холост, и не утряслось в нем настоящее понимание подруги жизни, холостой еще был взгляд на эти вопросы.

Мокеев думал как раз о Вале, о том, что не помнит, когда они вместе были последний раз в ресторане, о том, что и вправду стоило бы заказать столик, да посидеть с Валей вместе, да потанцевать вечерком... Да, пожалуй, скоро не раскачаешься — нужно еще костюм посмотреть свой штатский. Сколько уж не надевал, еще неизвестно, налезет ли!

Кто-то давно спросил Мокеева: «За что ты такую учительницу выбрал себе, ничего выдающегося? На парней спрос повышенный, мог бы повременить». Так, по молодости кто-то ляпнул. И Мокеев теперь уж не помнит, что дураку ответил, но задумался, для себя задумался. И решил, что самое главное в Валином лице — самостоятельность и доброта. Простое у Вали лицо, доброе — и свое. Вот что самое важное — *свое* лицо. Смотри-ка, стоило прийти в ресторан, в непривычную, так сказать, обстановку, чтоб понять, какое лицо у жены. Мокеев довольно резко повернулся в сторону подходящей официантки — та даже испугалась слегка.

— Вам что, товарищ? — спросила, опешив.

— Нет-нет, ничего, — извинился Мокеев.

Не скажешь ведь, что повернулся сравнить ее с Валей. Официантка еще покосилась на Мокеева, пододвигая ему тарелку и чувствуя какую-то неясную вину перед этим милицейским. Похожа она была в профиль на какую-то киноартистку — Мокеев не помнил фамилии, — в кино видел и еще в кабине МАЗа, помнится, задержал водителя за превышение скорости.

А у Вали свое лицо, очень простое, доброе, очень русское.

С тем и принялся Мокеев за солянку.

Перед бифштексом получилась вполне ресторанная пауза. Лейтенант Володя заметил даже:

— Смотри-ка, не хочет девочка с нами расставаться, вон от кухни любитесь. Ты, брат, так на нее взглянул — теперь до вечера продержит...

— А ты посигналь ей.

Володя посигналил.

— Ты как отдыхал, ездил куда или дома? — спросил Володя.

Мокеев только что вернулся из отпуска.

— В Ленинград ездил, к сестренке, потом в степи летал, в Казахстан.

— К отцу?

— К нему.

— Ты рассказал бы, а то бормочут всякие чудеса... Расскажи! Если хочешь, конечно, — добавил лейтенант Володя — деликатности у него не отнимешь.

Мокееву вообще деликатные люди нравились, и сам он, как Валя однажды выразилась, страдал деликатностью. Страдал? А как иначе? Страдал, конечно. Если Валя такое сказала — считай, выругала. Она и не прибавила больше ничего, а Мокеев так и считал: выругала.

И правильно, сколько ж можно! Работал он в ГАИ уже пятнадцать лет, не меньше. Да, Витальке скоро пятнадцать, за год до рождения сына он и поступил сюда. И до сих пор квартиру получить не сумел. Год назад пришел подполковник из управления обследовать условия, спрашивает: «Товарищ старший лейтенант, что у вас здесь?» Это он про их комнату. «А все здесь, — сказал Мокеев. — Спальня, столовая, библиотека, детская — все». В своей комнате мог он себе позволить чуточку юмора — тем более на такой юмористический вопрос.

«Как? — спросил подполковник. — А сын где спит? Вы ж говорили, что сын у вас». — «Так точно, сын Виталька, четырнадцать годов. Вот на этом диване спит сын, — сказал Мокеев и показал на диван. — А мы с женой вот здесь, — показал он на кровать, от которой до дивана было ровно метр и десять сантиметров. Еще в комнате помещался стол, на котором ели и Виталька готовил уроки, еще этажерка с учебниками Витальки и будильником, и у самой двери — вешалка на четыре крючка. — Восемь метров ровно», — сказал еще Мокеев подполковнику.

Подполковник как-то странно посмотрел на Мокеева и сказал только: «Я доложу, старший лейтенант, о ваших условиях».

— Ты, если не хочешь, не рассказывай. Я не настаиваю, — сказал лейтенант Володя.

— Ну что ты! — смутился Мокеев.

Володя и вправду мог подумать, что неделикатность совершил — спросил про отца.

И пока ели бифштекс с яйцом, и потом еще ждали компоты, и потом еще Мокеев чаю попросил — какой-то неправильный обед без чаю, — он и рассказал коротко про отца...

В сорок пятом отец не вернулся. И в сорок шестом не дождалось, и в сорок седьмом не пришел. Была бумажка официальная: пропал без вести. Но ведь пропал — не погиб... Ждали. Мать ждала, и Мокеев ждал. Тогда его просто Колькой звали. Это уж как работать пошел — стал Мокеевым. Все Мокеев и Мокеев, по имени почти никогда. Мокеев скоро привык. Это удивительно, как к человеку может собственная фамилия пристать, даже имя заслонила.

Мать ждала... Кроме Кольки было их у матери еще двое — сестренка Нинка и меньшей брательник Мишка — он перед самой войной родился, в сорок первом, майский. Нинка на два года моложе Мокеева, а потом уж и Мишка.

Мать ждала вечерами. Собиралась семья, картошки поедят с простоквашей, фитиль у лампы прикрутят и сидят — сумерничают. Фитилек в лампе светит будто

издалека-издалека, будто через поле какое или через лес. Мать рассказывает чего или просто молчит; ветер ищет в крыше щелки, вокруг углов навеивается; дверь на щеколде вздрагивает, и слабое круговое пятно на потолке — от лампы, — будто живое, ширится, узится — пульсирует.

Мать сидит, вздохнет, столешню вдруг погладит рукой или младшего Мишку прижмет к себе, подбородок положит ему на макушку, и качается тихонько, и не мигает, не мигает — на фитилек глядит. И Мокеев видит, как глаз у матери становится большой, выпуклый, качается, потом вдруг молча прольется на щеку тяжелая слеза, пролетит все лицо и упадет Мишке в волосы. Мишка скажет только: «Мам, мокро». И мать отодвинется, улыбнется виновато: «Крыша прохудилась, мужички, капает».

Заходили соседки. Помнит Мокеев, как мать говаривала подруге: «Вот не верю, что убитый он, чувствую... не оборвалось между нами... осталось, что-то... Не убитый он, живой». Соседки сочувственно кивали, с болью и надеждой вглядываясь в худое материно лицо, пытаясь, быть может, найти в этом лице что-то и свое, чего не успели разглядеть вечерами в мутных военных зеркалах. У них в доме тоже было такое — военное, мутное. Ждали оккупации, закопали добро в землю, и зеркало закопали. Потом уехали, потом вернулись, выкопали добро, и зеркало оказалось мутным — выглядываешь оттуда, будто из тумана.

В оккупации они не остались, успели выбраться. Бедовали, голодали. Добрались до Зауралья, устроились кое-как. Мать работала, вечерами шила, вязала, игрушки мастерил — пропеллеры из бумажных обрезков на палочке с гвоздиком, куклы тряпичные с химическими глазами. Под конец войны сытнее стали жить. — паек дали хороший, на военном заводе мать устроилась, еще на подсобном хозяйстве помогала, и огородец свой выкроили на пустыре. Но как только Информбюро сказало про освобождение их района, на Псковщине, — засобиралась мать в путь. Уж и отговаривали ее на заводе — подожди, мол, куда спешишь, выгорело там все, да с ребятишками, да жить негде. Нет, не дала мать себя уговорить — снарядились, двинулись. Вернулись — и правда все выгорело. Ни жить негде, ни есть нечего, не во что ни одеться, ни обуться. Мать говорила: «А куда ж нам еще, как не сюда... И головешки родные... И отец вернется, не застанет никого — что подумает?»

Не знали еще тогда, что не дождутся отца.

А ждали, сколько лет ждали! Мокеев иногда думал даже: не тронулась ли мать, ожидаючи? Уж и сорок восьмой прошел, и пятьдесят четвертый, а мать все ждала, все не верила, что погиб. Померла она в шестьдесят первом. И незадолго до смерти матери слышал Мокеев, как говорила она с соседкой — чай они пили на кухне: «Нет, Мария, не убитый он. Вот не убитый — и все тут! Живой где-то, не могу оказать где, а живой. Такое у меня мнение, будто уехал он и — скоро обратно. Застрыл будто, но почему — не знаю».

Мария солидарно вздыхала, шумно отхлебывала из блюдечка, глядела на себя в самоварном боку, отвечала: «Святая ты женщина, Таня, святая, бог должен бы тебя обрадовать. Помолилась бы, он услышит». Мать усмехалась: «Атеистка я, Мария, атеистка. И дети у меня такие, И бог твой меня в лицо не знает, не до меня богу». — «Как же, Таня, — отвечала соседка Мария, — это ль не чудо, если муж

твой живой? Не божественное ли провидение, если так? Столько лет минуло, а ты веришь, чувствуешь его, живого...» — «Что об этом говорить, — вздыхала мать. — Может, в плену где, вон как у Дарьи Горшковой, из Канады пишет...»

Не отец не в Канаде оказался, а ближе. Хотя тоже не рукой подать: от Ленинграда Мокеев летел самолетом сколько часов, да потом автобусом добирался еще более того, да в райцентре попутку искал полдня и на ней сто восемьдесят километров по степи — как по столу...

И случилась-то все месяц назад. Мокеев в отпуск пошел. Пока с дровами возился, пака рамы утеплял, то, се — две недели прошли. Напоследок решил в Ленинград прокатиться, сестренку наведать и Витальке купить кое-что — Валя список составила. Приехал, побегал по магазинам, заскучал. Сестренка Нина говорит: «Чего маешься, съезди на родину на парочку дней — взглянешь и вернешься, — а я тем временем пошарю в городе по Валиному списку». А Мокеев и вправду собирался на Псковщину, только нерешительно как-то собирался — боялся, что ли, себя растревожить. Решился, поехал. Могилу мамину поправил, с соседями старыми поговорил, напоследок в поселковую столовую зашел — перекусить на дорожку. Там у окна за столиком дядя Вася сидел, Макушев, отцовский еще приятель. Дядя Вася домой в сорок шестом вернулся, покалеченный, лицо осколками перепаяно, но веселый и — пьющий. Пил помногу, тем и славен был первые годы, как вернулся. Потом поутих маленько, и теперь он вот сидит у окна, интересуется прохожими и пиво тянет. Помахал Мокееву дядя Вася Макушев. Мокеев подсел к нему со своим супом и биточками. «Что, дядь Вась, на пивко перешел окончательно или так, для пересменки только?» — «Да, парень, как сказать... Ощущение я потерял, устал маленько. Пожалуй, выпил я свою цистерну, будет. Вот теперь крепче «жигулей» не беру, а и без «жигулей» не могу — равновесие рушится».

Дядя Вася был все такой же. Только морщинки стали резкие — каждая сама по себе, как вельвет. Мокеев сказал ему об этом. «Да, брат, заспиртованный я капитально, чего уж! — добродушно согласился дядя Вася и спросил вдруг: — А батяка чего тебе пишет?» — «Какой батяка?» — не понял Мокеев, и что-то неожиданно замерло в нем и зануло. «Как какой!.. Твой батяка, чей же?! — удивился дядя Вася. — Неужели не знаешь! Эхма! Рано я пить завязал, мы бы с тобой теперь ха-арошую канистру выжрали по такому поводу». — «Чего-то ты темнишь, дядь Вась, — сказал Мокеев и увидел вдруг тот далекий свет прикрученного фитиля в темной избе, и пульсирующий круг на потолке, и мать увидел — как живую, и слезу в ее глазах — как живую: как она копится и вдруг падает Мишке на голову... «Да что ты, парень, да живой твой отец, живой... покойница-то мать верно говаривала, что живой. Гляди-ка, угадала мать, царство ей небесное!.. Мы с отцом твоим перед войной в совхозе вместе работали...» — «Да знаю я, знаю!» — «Ну и прислал он недавно конверт: так и так, Вася Макушев, если ты живой и помнишь меня, отпиши свидетельское письмо на собес про наши с тобой общие годки в совхозе... Он, видишь, на пенсию выходит и стаж разыскивает». — «Где?» — только и выдохнул Мокеев. «Письмо-то? А дома лежит, за зеркалом. Пойдем, что ли?» — спросил дядя Вася, будто можно было не пойти. Мокеев встал, забыв про биточки, дядя Вася взглянул неодобрительно,

крякнул: «Кхе, брат, ты того... доешь... непорядок...»

Мокеев послушно доел и двинулся следом за дядей Васей.

На конверте был обратный адрес, и в конце письма тоже был обратный адрес, и почерк, чувствуется, нетвердый — мало в жизни человек писем писал, буквы углами стоят, каждая сама по себе.

И про них, семью, ничего отец не спрашивает в письме. Вот что странно — ничего не спрашивает. Будто в другое место пишет, не в родной поселок.

Мокеев вернулся в Ленинград, дождался сестренку Нину с работы, и начали они советовать. Много чего говорили, теперь кое-что и вспомнить неловко. Даже такое было: не лихой ли какой человек объявился под отцовым именем? По телевизору недавно историю передавали похожую, так мало ли!.. Особенно, если в плену был... Словом, может, еще и не отец окажется. Но это все Мокеев сам высказывал, Нинка, сестренка, со всеми предположениями сначала вроде соглашалась, а потом отвергла: нет, наверняка отец. Не зря же мама говорила, что живой он, живой. С тем и померла. Так до самой смерти своей и не признала отца погибшим.

Что мог Мокеев против такой женской проницательности сказать? Только рукой махнул.

Но и посоветоваться больше не с кем, только с Ниной да с мужем ее. Муж, конечно, инженер, на хорошем заводе работает, но ничего вразумительного сказать он не мог. Сказал только: сходи куда следует, предупреди — так и так, мало ли... чтоб без неожиданностей...

В общем, решили этот вопрос больше не теребить. Мокеев сказал, что сам подумает, как поступить.

Стали с Ниной по альбомам искать отцовы карточки. Пока росли — сколько смотрели, запоминали, как батя выглядит. А выросли — и альбома не найдешь в доме... И дом-то — две малогабаритные комнаты на Выборгской стороне. Перебрали все бумаги, нашли. Опять посоветовались, отобрали три карточки: первая — где отец молодой, с дядей Васей снят, пожелтела карточка, но разобрать можно; вторая — где отец с матерью, у старого их дома, на фоне, а позади, на ступеньке, сам Мокеев сидит, тогда еще Колька; третья — за столом снято, какой-то праздник был, все с рюмками, и дядя Вася тут, и прочие отцовы дружки, и родня, и мать, конечно. Это на тот случай, если понадобится спрашивать, кто есть кто, если сомнение возникнет. Тридцать лет все-таки — время!

Решили так: в остаток отпуска Мокеев слетает проверить — действительно отец или другой кто. И еще решили, хотя Мокеев и не просил, что стоимость проезда — самолет и остальное — поделят пополам. Мокеев сначала не соглашался, но инженер Нинин настоял — у нас, мол, детей нету, нам полегче вашего, и премиальные у нас, и вообще. Мокеев подумал и согласился: свой резон тут был.

В общем, полетел он. В полете все думал про подмену: может быть такой вариант, если, скажем, отец в плен попал? Узнали про его жизнь все подробности, человека подобрали, подходящего по обличью и по комплекции, и заслали вместо отца. С его документами. Или просто с историей его жизни.

Карточки Мокеев раза три вынимал в самолете, рассматривал. Решил: если уж

увидит он настоящего своего отца — не мажет быть ошибки, в точности сам узнает. На всякий случай вспомнил, пока летел и потом, пока в автобусе качало, — вспомнил, как Мишка, самый из Мокеевых младший, который теперь на Востоке начинает свою офицерскую жизнь, — как он ходит, как голову клонит, когда внимательно слушает, как ест и лицо Мишкино. Мать говорила, что Мишка у них — самый на отца схожий. И походкой, и манерой, и лицом. Мокееву, помнится, еще обидно было от матери такое слышать.

В районный центр он приехал вечером, пришлось в гостиницу пробиваться. Пришлось даже удостоверение свое гаишное развернуть: мест мало, совещание какое-то намечалось назавтра, крутом броня сплошная, — не хотят верить, что на одну ночь, потом, мол, возиться, выживать да уговаривать...

Наутро в милицию пошел, в местное ГАИ. Так и так, автобус только во второй половине дня, а у меня каждый час на счету — помогите, коллеги. Опять пришлось удостоверение развернуть. И ситуацию пояснить: так и так...

Младший лейтенант посадил Мокеева в свою желтую коляску и отвез к большой дороге местного значения. Некоторое время они там постояли, потом младший поднял руку и остановил самосвал с камнем. И сразу попал на кого надо — из того самого совхоза шофер оказался. Мокеев уважительно на младшею взглянул — знает парень дело, зря руками не машет. Показал младший на Мокеева водителю, сказал:

— Наш человек, по делу едет, подбрось.

Водитель оценил Мокеева, на кабину кивнул — и тронулись они вперед. Сто семьдесят километров было впереди — не баран чихнул. Так-то версты невелики, конечно, но Мокеев человек северный, и степная жара пришлась ему очень не по нутру. Через двадцать минут рассупонился он весь — до трусов. Тем более водитель сам пример подал.

И все бы ничего, и легкая бы дорога, если б вдруг за каким-то пыльным поворотом не оказались двое с протянутыми руками — стоят, просят посадить. И водитель останавливается, вот что удивительно. И начинают они всерьез толковать, как он их довезет до какого-то места. А где их везти, этих ребят? В кузове камень рваный, и вообще — самосвал...

Парни поскидали свои пиджачки, водитель им замасленный матрас выдал (уж не специально, ли возил с собой?), и начали они там, в кузове, пристраиваться. Каменюки гремят — эта ребята их поудобнее выкладывают, чтоб брюки не порвать.

Водитель Мокееву, глядя в удивленное его лицо, сказал:

— Ты, парень, глаза не выпячивай. Знаю, что нарушаю, так чего делать? Тебе, надо ехать, им тоже надо. А попутных, может, сегодня до вечера не будет. И палит сам видишь, как. Тут, брат, как в тундре — оставишь человека, а завтра за ним можно катафалк присылать. Всякое было. А ты, парень, не местный?

— Приезжий, — согласился Мокеев.

— То-то, вижу, удивляешься. Наши-то сквозь пальцы на это дело, — сказал водитель, и поехали они.

Нельзя сказать, чтобы осторожнее он машину повел, — нет, по-прежнему поехали. И когда подкидывало самосвал и камень сзади грохотал — нехорошо

Мокееву было. Еще жарче, и на душе нехорошо. И не знал он, как тут поступить. С одной стороны, он, конечно, инспектор, и такая транспортировка людей, да еще на его глазах, — чистое преступление. С другой — конечно, он тут в цивильном облачении, и местные условия, так сказать... И правда: как людей бросишь в, такой, стели, когда жарит со всех боков, и пыль, и воды нет, и неясно, сколько до ближайшей воды километров, и есть ли сзади попутные?!

Потом жара и дорога без примет все-таки сморили Мокеева, он заснул. И навалилась на него сразу усталость за все: и материна могила, и дядя Вася с его таким заявлением, и старые карточки, которые все в душе всколыхнули, и самолет, столько часов гудевший своими турбинами, и долгий автобус до райцентра, и гостиница, в которой выспаться толком не дали, и, главное, мысли одолевали. А теперь, когда самосвал легко катил его в нужном направлении, он вдруг устал и так заснул, что не слышал даже, когда машина притормозила и те двое сошли. Не слышал Мокеев и первого грома, а от второго, который с оттяжкой прокатился над самой головой, проснулся. Туча закрыла почти все небо — толстая, болезненно-сизая. Они въехали в дождь, и небесная вода смыла со стекол пыль, и капот перед глазами заблестел, будто самосвал только выкатился с конвейера, из заводских ворот. Под колесами пошла глина. Они как раз проезжали какой-то промежуточный поселок — домиков двадцать.

Тут и перевернулись. Дорога в этом месте шла по небольшому, метра в четыре, откосу. Машина вдруг пошла плавно разворачиваться влево. Водитель правильно вывернул руль, но задние колеса уже попали на уклон, и машина аккуратно легла на правый борт. Мокеев не успел ни испугаться, ни крикнуть — земля оказалась рядом с лицом; он успел только ухватиться за руль и слегка подтянуться влево, подальше от летящей навстречу глины. Кабина оказалась повыше кузова, но сползала и выравнивалась, и Мокеев вдруг вспомнил своего крестника, которого в свое время вытащил из кабины на болоте, и ему стало плохо, так, что даже застлало глаза. Не от страха, не от воспоминаний о том пожаре — нет. Только теперь, когда они уже тихо лежали на правом борту, он услышал грохот камней, вылетающих из кузова в глину, и вспомнил о тех двух парнях, которые на промасленном матрасе и своих пиджачках ехали позади кабины. Он застонал от этой мысли и услышал водителя:

— Прижало тебя?

Водитель спросил таким обыденным голосом, будто всякий раз на этом месте переворачивался с грузом и ему это уже прискучило.

— Парней побьет, — промычал Мокеев.

— Каких парней? — удивился водитель. — Проспал ты, сошли они давно, парни, пусто там...

Когда они выбрались через левую дверцу, в кузове и вправду было пусто. Камень выкатился и россыпью лежал на мокрой глине. И был даже какой-то свой порядок в этой картине. Во всяком случае, нечто подобное Мокеев видел не раз на снимках ГАИ и сам не раз нечто подобное фотографировал, когда дежурил. «Диафрагма пять и шесть — и одна пятидесятая» — он даже выдержку прикинул, взглянув на опрокинутый самосвал. Привычка...

К ним спешили люди в сапогах и широких дождевиках, и Мокеев только

сейчас увидел, что они с водителем стоят под дождем в одних трусах. И полез в кабину сверху, через левую дверь, за штанами и рубахой.

Самосвал довольно быстро поставили на ровный киль — народ сбежался резво. Дождь прошумел и ушел дальше. Водитель вывел машину на дорогу, развернул кормой к месту происшествия, и ему быстренько, руками, набросали камень обратно. Мокеев и подивился, и порадовался такому порядку вещей: местные условия.

До поселка, указанного на отцовском конверте, оставалось им теперь немного. Чаю попили, попереживали вслух и двинулись. Если до переворота они почти не говорили с водителем, да Мокеев еще спал в дороге, то теперь говорили не переставая. Рассказали, кто где служил, кто на ком женат и сколько детей у каждого. И про оклады поделились. И про условия снабжения. И про всякий дефицит. И про «Запорожец», и про новые «Жигули» перекинулись.

Но все же Мокеев не стал открываться водителю, зачем в такую даль приехал. Водитель вокруг да около этой темы походил, но допытываться не стал. Начал рассказывать что-то про соседа, и выходило так, что рассказывает он про отца. По возрасту выходило, по имени. Мокеев молча волновался и вроде бы из вежливости задавал вопросы: женат ли тот сосед, почему водитель по имени его зовет, без отчества, и всякое такое.

Водитель отвечал охотно. И выходило по его рассказу, что сосед должен идти по возрасту на пенсию, что мужик он толковый и правильный, что живет он малой семьей, женат, но не завязались дети, что уроженец он чужой, нездешний, но после войны тут осел. И все здешние его своим считают. Еще выходило, что обижен сосед на порядки и собирает стаж письмами с прежних мест работы и жительства, хотя, конечно, война прошла, какие теперь свидетели — пустое дело искать, только расстраиваться! А стажу не хватает, и он, водитель, сам не так давно письмо соседское отвозил в район, чтобы быстрее дошло.

— А как фамилия твоему соседу? — спросил Мокеев. — Ты так о нем рассказываешь — мне даже фамилия интересна стала: забавный, видать, человек...

— Забавный, — согласился водитель. — А фамилия у него самая обыкновенная — Мокеев. Мокеев Василий.

— Надо взглянуть на твоего Мокеева, — сказал еще Мокеев, чувствуя, как колотится сердце, и только сейчас, кажется, по-настоящему испугавшись случившегося: ведь мог и не доехать! — Ты мне покажи его, как приедем.

— А чего ж, покажу. Завтра с утра познакомлю. Надо чего заказать — пожалуйста, можешь с ним без церемоний. И сапоги стачать, и валенки свалить, и по дереву, и печное дело, — пожалуйста, он не откажет. Правда, и свое возьмет — за работу. Себя уважает, — сказал водитель, без осуждения сказал, нормально сказал, как говорят о крепком, об основательном работнике.

И Мокееву ужасно как захотелось, чтобы все вышло без обмана, чтобы отец оказался отцом, чтобы узнал себя на карточках, и мать чтоб узнал, и чтоб его, Николая, своего старшего, узнал бы в пацане, который на ступеньках сидит, наголо стриженный, с деревянной саблей в руке. И еще вспомнил Мокеев про отца. Мать рассказывала: отец минуты без дела не сидел, что стрясется — сейчас починит, отладит, зашьет, приколотит...

Отец... Должен быть он!

— Зачем же с утра, — сказал он водителю. — Как приедем, сразу и покажи мне твоего Мокеева.

Водитель посмотрел на Мокеева, покачал головой:

— Странный ты парень — всю дорогу молчал, теперь тебе Мокеева подавай на ночь глядя... Темнишь ты что-то...

— Да чего темнить, — сказал Мокеев. — С интересным человеком почему не встретиться.

Водитель промолчал, не ответил, да и Мокеев сам понял, что слова прозвучали фальшиво. И его интерес к соседу Мокееву сразу прояснился, и водитель, наверное, не забыл, как младший лейтенант в райцентре сказал: «Наш человек...»

Впрочем, никаких вопросов водитель больше не задавал. Когда они приехали, и вышли наконец из кабины, и попили холодного квасу, водитель не стал рассуждать, вывел из сарая «ижа» с коляской и, бросив Мокееву! «Я скоро!» — укатил. Предварительно он переговорил о женой, выяснил, что соседи где-то на другом конце поселка, у тех-то или у того-то...

Начинало темнеть. Хозяйка угощала Мокеева, пододвигая к нему тарелки, но ему кусок в горло не лез, и сердце колотилось вслух, и все было странно Мокееву в эти минуты: и этот поселок, и длинная дорога, и удачное опрокидывание, и этот прохладный дом, и ясное высокое небо, теряющее окраску.

...«Иж» развернулся у штакетника. Водитель привез своих соседей, которыми так вдруг заинтересовался случайный пассажир. На багажнике сидел мужчина, Мокеев даже лица не смог различить — то ли боялся присматриваться, то ли волновался до потери фокусировки... В коляске сидела женщина, Мокееву незнакомая.

Он поймал себя на этом — женщина незнакомая. А мужчина, значит, знакомый? Как же так? Он еще и не рассмотрел лица, еще ничего толком не понял и походки не видел — ничего не видел, слова от него не слышал, а узнал...

Узнал ли?..

Человек слез с багажника, попытался всмотреться в Мокеева из-за штакетника. Водитель кивнул ему на калитку, и Мокеев-старший вошел.

Он шел к крыльцу не торопясь, очень спокойно шел, привычно ступая по этой земле, и Мокеев-младший вдруг увидел, каким будет Мишка, когда состарится и доживет до отцовых лет. Все было знакомо, все было Мишкино, то есть наоборот — в Мишке все было отцово...

Мокеев чуть было не сказал: «Здорово, батя». Те самые слова, которые он, пока летел и ехал, сколько раз повторял, представляя себе встречу!

Отец остановился, протянул руку:

— Мокеев Василий Савельич.

Мокеев-младший тоже протянул руку, пожал отцовскую заскорузлую ладонь и сказал:

— Очень приятно.

И не назвал себя.

Водитель стоял рядом, все наблюдал, приподняв левую бровь: где это видано,

чтоб человек моложе вдвое да свысока так здоровался. «Приятно» ему, а не назвался.

Мокеев-младший смутился, только сейчас поняв, что не назвал себя отцу, и сказал:

— Сядем?

Отец пожал плечами, посмотрел на водителя, будто советуясь. Водитель спросил:

— Я не помешаю вам?

— Нет-нет, — сказал Мокеев-младший, — наоборот даже...

Что — наоборот, он и сам не знал. Он торопливо полез в карман, вытащил из бумажника карточки и протянул их отцу:

— Взгляните, пожалуйста...

Отец долго рассматривал фотографии, вздыхал, смотрел на Мокеева и наконец спросил:

— Откуда они у вас?

— Как откуда? — удивился Мокеев. — Это мои... то есть наши, с Ниной... А Михаил теперь на Дальнем Востоке, училище окончил, служит там...

Отец покачнулся, оперся двумя руками о скамью и стал всматриваться в Мокеева.

— А вы?.. — начал спрашивать он и не спросил до конца — все смотрел и смотрел, переходя глазами с лица на волосы, на глаза, рот, нос, брови, на плечи, на руки, опять на волосы и снова на глаза... Не узнает?

— А я — Николай, — сказал Мокеев сдавленно. — Здравствуй, батя...

— Николай, — тоненько сказал отец. — Коля? — тонко-тоненько, не своим голосом спросил отец. И заплакал.

— Ну как же, батя, как получилось? — спросил, не удержался Мокеев.

...Ночь глядела в окно, уже и поплакали, и выпили, и о многом рассказали друг другу. Наталья Семеновна, жена отца, оставила их одних, и они сидели теперь, отец и сын, незнакомые друг другу.

Отец вздохнул, встал молча и достал из комода пачку писем, перетянутых резинкой. Отобрал несколько конвертов, протянул сыну:

— Вот...

Мокеев читал листки, сломанные на сгибах:

«На Ваше заявление... сообщает... местонахождение Вашей семьи не установлено...», «В ответ на Ваше письмо, дорогой товарищ Мокеев, с горечью сообщаем, что дом, в котором жила Ваша семья после Вашего ухода на фронт, был разбит немецкой бомбой с самолета и под обломками от взрыва погибли все три семьи, проживавшие в этом доме... примите наши соболезнования... бейте проклятого врага, чтоб...».

— Батя, — сказал Мокеев, — это было, нам соседи написали, что дом сгорел. Но бомба попала после, когда мы уехали, батя, это после было... — Отец молчал. — А ты поверил, батя?

Отец кивнул. Лицо его дергалось, губы кривились — он еле сдерживался, лоб вспотел и влажно взблескивал под светом настольной лампы из угла.

— И после войны не написал больше, ни разу и не заехал?

— Ты дальше читай! — сказал отец.

Мокеев прочитал дальше:

«Похоронить останки тех семей раздельно не представилось возможности, дорогой товарищ Мокеев, так как все взрослые и дети были убиты взрывом, а дом полностью сгорел, вместе с мебелью и носильными вещами, поэтому останки пришлось положить в братскую могилу, сразу после той бомбежки. Извините, торопились, враг подходил, Вы фронтовик, Вы должны понять...»

Долго они сидели и молчали — и младший Мокеев, и Мокеев-старший не знали, как им теперь быть. Объединяют их эти нечаянные годы разлуки или окончательно разъединяют? Младший Мокеев не мог заснуть в эту ночь, забылся только под утро ненадолго. Да и старший проворочался, вспоминая, сколько раз порывался съездить на родное пепелище, но так и не съездил: боялся добить себя. И так теперь выходит, по окончательному расчету, что он себя берег, а жена троих вытасила до полной человеческой зрелости, а он тут, вдали, горе свое отбывал...

К вечеру собрался Николай в обратный путь. Отпуск кончился — все сошлось, можно возвращаться. Напоследок пригласил отца к себе в гости. И уехал.

И вот теперь ждет на праздники отца Мокеев. Утром сегодня телеграмма пришла: будет отец завтра утром. И сейчас Мокеев прикидывал, куда он отца поместит. Если один — еще ничего, как-нибудь, а если с женой — придется просить начальство с гостиницей помочь, иначе не выкрутиться на восьми-то квадратах...

Вот об этом обо всем и рассказал Мокеев лейтенанту Володе, коротко рассказал, в двух словах.

— А мать, говоришь, так и не поверила в его смерть?

— Так и не поверила.

— Телепатия? — спросил лейтенант Володя.

— Может быть, — сказал Мокеев. — Или — сердце.

В дежурной комнате все было спокойно. Патрульные машины молчали пока. Позвонил водитель автобуса с Владимирской улицы — его ударил грузовик. Яклич выехал туда, разбирается.

Со второго этажа спустился начальник. Выслушал рапорт, полистал журнал:

— Тихо, значит? Бои местного значения...

— Вот именно, товарищ полковник, местного.

— Ну-ну, к вечеру надо ждать событий, — сказал полковник, — прогноз обещает похолодание к вечеру, каток. Передайте патрульным машинам, чтоб поговорили на перекрестках об осторожности. И сами, Мокеев, пока тут тихо, прокатитесь по городу. Да, кстати, загляните на Театральную площадь — там соревнования по вождению, проверьте ограждение и зрителей попросите держаться от колес подальше, подальше.

— Ясно, товарищ полковник.

— И дорожникам напомните, чтоб сыпали песок.

— Уже звонили.

Мокеев поехал по городу, время от времени включая динамики и

предупреждая пешеходов об осторожности.

Поехал на площадь. Ограждение стояло — веревочное, по краю тротуара. Зрителей было немного, смотрели на мастерство вождения, хотя, по совести сказать, смотреть особенно не на что было. Соревновались две автобазы. Мокеев последил, как грузовик проходит «змейку», как неуверенно водитель подает задним ходом в «гараж», как, наверстывая время, несется к «габаритам» — чуркам, мимо которых нужно провести машину, не тронув колесами. Судья с флажком у «габаритов» вдруг взмахнул не вовремя, будто закрываясь, и вскрикнул, поднимая к лицу и вторую руку. Чурка, обозначающая правый габаритный край, вылетела из-под колеса и вскользь мазнула судью по голове. Машина уже стояла на финишной черте, к судье побежали, и водитель подбежал, и врач подбежал, захлопотал около с какой-то мазью, а несчастный судья нервно хлопал себя флажком по ноге. Страшного, в общем, ничего не стряслось, но — могло. Такой чуркой из-под колеса могло и зашибить, если б как следует попало...

— Правого колеса не чувствуешь, — сказал Мокеев водителю, который смотрел на хлопоты виновато и, кажется, не понимал причины.

И Мокеев вспомнил утреннюю планерку и тот вчерашний случай, когда мебельный фургон, разворачиваясь во дворе, задел правым колесом мальчика Боря. Здесь, на соревнованиях, чурка, а там, в жизни, Боря...

«Не чувствуют люди своего правого колеса, — почему-то обобщил Мокеев, сидя уже в «Москвиче» и направляясь к ГАИ. — Может, вообще многие беды в жизни от того, — неожиданно предположил Мокеев, — что правого колеса водители не чувствуют? Водители и вообще все...»

В каждом деле есть свое правое колесо. Мокеев вспомнил, как недавно в одном дворе увидел костыли, торчат из стены на полметра, острые. Мокеев тогда дворника разыскал, показал ему на костыли, на играющих детей.

— Дак чего? — не понял дворник.

— Да загни! — потребовал Мокеев. — Долго ли до беды.

В дежурке было по-прежнему тихо. Яклич вернулся, рассказал, что молодой шофер слегка ударил сзади автобус на спуске, у завода, говорит: взглянул вправо, не успел среагировать. Ударил не сильно, пустяк, потерь никаких, но талон Яклич ему все-таки проколол: за неправильно выбранную скорость в конкретно сложившейся ситуации.

Яклич быстро определил причины и степень вины: восемнадцать лет все-таки — стаж.

Нужно было позвонить Вале, посоветоваться насчет приезда отца. Кстати, о телеграмме она еще не знала.

Мокеев набрал номер — занято. Еще набрал — опять занято. Перешел в соседний кабинет, чтоб не загружать дежурный телефон; там у них, в учительской, вечно кто-нибудь виснет на проводе, девчонки вцепятся в трубку — не оторвать.

Дозвонился наконец. Валя подошла. Решили по телефону не обсуждать вопрос, оставить на вечер. Еще Валя сказала, что задержится сегодня: школа наконец договорилась с шефами и через час дадут автобус — поедут в совхоз, на экскурсию. Что-то быстро сжало Мокееву сердце, и обычный такой холодок

возник, будто падаешь во сне или въяве кто-то падает, у тебя на глазах.

Он хотел что-то сказать насчет гололеда, но раздумал отговаривать — несколько дней Валя жаловалась: автобуса не дают и экскурсию переносят со дня на день. Теперь вот дали. «Не вовремя дали», — подумал Мокеев. И помощник Олег, будто услышав, пропел, откладывая Тургенева и потягиваясь:

— Гололед на земле, гололед!..

Начинало смеркаться, медленно падал редкий снег, и Мокеев по старому опыту знал: так оно не кончится сегодня — «боями местного значения».

Мокеев ходил по дежурке маятником, потом забрел в соседнюю комнатку, где стоял телетайп, потрогал клавиши, постучал по сейфу ладонью, открыл крышку спецчемоданчика — все было на месте, все в своих гнездышках: фотоаппарат, объективы, кольца, планка, лупа, пинцеты. Закрыв крышку, снова взглянул на часы — прошло десять минут.

И он понял, что нужно ехать.

Он сказал Олегу, что проедет по дороге к совхозу километров десять и потом вернется: на этом расстоянии с ним можно держать связь по радио, если что — пусть Олег вызовет.

Олег сказал на прощание:

— Позови меня, позови меня, если надо, то позови... — и снова уткнулся в Тургенева.

Дежурство обещало быть тихим до конца. Олег еще не пропитался тем ощущением дороги и движения, какое обрел Мокеев за пятнадцать лет.

А Мокеева беспокоил тот самый спуск с поворотом, который перед самым совхозом. В прошлом году, тоже в первый гололед, самосвал пошел юзом, крутило его волчком, пока не влетел в совхозный забор — доски проломил и застрял по диагонали. Торчал из забора, как барельеф.

На выезде из города Мокеев постоял, пропуская машины и следя с замиранием сердца, как начинают поерзывать колеса. Показался знакомый автобус с желтой каймой. Мокеев увидел в переднем окне белую шапочку Вали и лицо ее, и она его увидела и махнула рукой. Он сел в свой «Москвич» и поехал впереди автобуса, метров на сорок впереди. В зеркальце Мокеев следил за дистанцией, хотя мог и не следить — водитель автобуса понял, что к чему, и сам пойдет сзади, как пристегнутый. И ребята, Валин класс, сейчас тянут шеи, заглядывая вперед, на милицейский «Москвич» с рупорами наверху — один рупор нацелен вперед, другой смотрит назад.

Когда почему-то автобус стал догонять Мокеева, он включил микрофон и сказал:

— Потихе, приятель, потихе.

Он это по-домашнему сказал и видел в зеркальце, как водитель смешливо приложил руку к виску: «Слушаюсь!»

Мокеев в ожидании того совхозного спуска с поворотом стал думать про Валю, про ее ребят, про этого водителя-шефа. И про риск. Вот если со стороны посмотреть, в руках этого паренька за рулем ни много ни мало — класс. Тридцать душ вместе с Валею. Сколько сердца положено, чтобы вырастить тридцать человек... сколько денег, нервов. И сколько — когда вырастут — Россия получит

от них, даже если не станут они знаменитыми, а останутся незаметными и просто хорошими мужьями и женами.

А ведь одно неверное движение руки, или гололед, или пьяный навстречу — и весь город в слезах. Как тогда, лет десять назад, когда шквал прошел, в июле. Детсад не успели загнать под крышу, и береза упала — вдоль дорожки, где мальцы шли, держась за веревочку... Весь город плакал.

Белая шапочка Вали в зеркальце, а лица теперь не видно — скользко на дороге, автобус еще поотстал. «Соображает парнишка, что не сенаж везет», — одобрительно подумал Мокеев.

С Валею Мокеев познакомился здесь же, в этом городе, еще когда служил. Ну, гуляли, танцевали, вместе из увольнения бегом бежали — в молодости все впритирку, все до последней минутки хочется исчерпать.

Когда отслужил Мокеев, вернулся на Псковщину, к матери. Вале пообещал письма писать и, как устроится, приехать за ней. Валя ничего от него не требовала — ни обещаний, ничего. Она молчала и опускала голову, будто задумываясь. И Мокееву становилось хорошо и весело. Он знал, как подружки нашептывали Вале, что зря она с солдатом связалась, только время теряет: он уедет и адрес забудет — в двадцать лет на такие вещи память некрепкая у парней...

Весело становилось Мокееву, потому что знал он точно: вернется. И либо Валю с собой заберет, либо сам останется. Либо куда вдвоем махнут. Вдвоем — обязательно.

Валя молчала, — значит, было у нее сомнение. А Мокееву весело было — оттого весело, что заранее знал, как обрадует Валю, когда приедет. В первом письме сообщил, что мать его встретила, что рядом городок есть небольшой и заводец там, не сказать, чтоб знатный, но работать можно, и квартиру сулят через сколько-то, если, конечно, жена будет и ребенок. И еще написал, что через два-три дня едет он в этот городок и устраивается в общежитие и с работой, а потом сразу адрес сообщит. Валя кончала свой педагогический, и ей в ту зиму нужно было распределяться. Так что требовалось Мокееву устраиваться капитально.

Но не получилось капитально. В общежитии частые пьянки были. И не сказать, что плохие ребята жили с Мокеевым и комната — нормальные ребята, четверо армию отслужили. Пили, не задираясь, чрезмерно не шумя, и это-то спокойствие более прочего испугало Мокеева. «Втянусь!», — думал он. Походил по другим комнатам, — может, там другая жизнь?

Мокеев подумал-подумал и написал Вале, что не зовет ее в этот городок, думает рассчитаться — не по душе место. В детали он вдаваться не стал — не по душе, и все.

Рассчитался, заехал к матери, сказал свое мнение относительно дальнейшей жизни. Поехал к сестренке Нине в Ленинград, погостил у нее в субботу — от поезда до поезда. В воскресенье утром вылез на знакомой станции, с елками вокруг большой станционной клумбы и потопал влево, через, пути, к Вале. У родителей ее был маленький домик на окраине, почти в лесу. В домике том сейчас они и живут, на восьми метрах. Туда и подполковник из управления приходил. Что-то дело снова заглохло — нужно бы поворошить насчет квартиры...

На дороге было относительно свободно, машины шли осторожно, лед поблескивал под фарами. Длинный спуск у совхоза Мокеев с тревогой рассматривать начал издали — еще не совсем стемнело. Машины наверху замирали, будто водители задумывались: не переждать ли? И Мокеев понял, что спуск посыпать еще не успели. И решил, что сейчас же заедет к механику в совхозный гараж и заставит посыпать спуск сию минуту — не уедет, пока не сделают.

Он подъезжал к повороту, когда наверху появился МАЗ, не задержался, перевалил через гребень и пошел вниз, не сбавляя скорости. И внутри замерло, и Мокеев понял — вот оно...

Внимательно следя за МАЗом, он повел «Москвича» навстречу по самой обочине, взглянул в зеркальце и увидел радиатор автобуса сразу за собой. Водитель в автобусе вопросительно заглядывал вперед, на Мокеева, будто испрашивал разрешения на обгон, не понимая, почему тот замешкался. И больше Мокеев не видел ничего, кроме МАЗа на спуске. МАЗ уже шел косо, и Мокеев вдруг сказал вслух:

— Не тормози теперь, только не тормози, парень!

Но водитель МАЗа, должно, не услышал — машину тащило вниз, разворачивая поперек полотна. Мокеев увидел длинный кузов с какими-то ящиками, перехваченными сверху веревкой. МАЗ теперь несло уже задом наперед и продолжало крутить. Ясно было, что МАЗ успеет сделать еще один поворот и на уклоне дороги, где теперь медлил Мокеев и автобус за его спиной, сметет с дороги и Мокеева, и автобус. Если, конечно, не случится чуда. Но чуда Мокеев ждать не имел права. Он утопил педаль газа и рванулся навстречу МАЗу, норовя так стать, чтоб сколько-нибудь сбить ему инерцию.

Валя, вся подавшись вперед, к ветровому стеклу, сначала не поняла — как это вдруг «Москвич» впереди сам коснулся тяжелой машины, почему-то взлетел, как картонный, и упорхнул с дороги. И как это такая тяжелая машина, только что несокрушимо и страшно вертевшаяся навстречу, внезапно замедлила движение и замерла в метре-полтора от автобусного передка. Потом сзади, за Валиной спиной, тоненько и страшно закричала девочка — кажется, Эля Морина...

Утром на планерке, когда помощник Мокеева младший лейтенант Олег Волков докладывал итоги за минувшие сутки, он вдруг увидел из окна кабинета начальника ГАИ угол за гаражной стеной и в том углу смятый кузов старой «Победы» и рядом мокеевский «Москвич», странно и страшно сгорбленный ударом.

Олег, продолжая докладывать, удивился: «Сколько бывал в гараже и никогда не заглядывал в этот угол! А со второго этажа вдруг увидел...»

И тогда только понял Олег Волков, что сейчас он — третий на этом стуле в кабинете начальника. Третий — после старика Булыгина и после Мокеева.

Полковник сказал, взглянув на часы:

— Товарищи, сейчас прошу всех по местам. Летучку начнем ровно в десять тридцать. Я — на вокзал. Через пятнадцать минут ленинградский поезд. Вагон пятый, — сказал он, глянув в телеграфный бланк. — Вас, младший лейтенант Волков, я попрошу за руль.